

**Структурно-семантические особенности
обско-угорских глаголов с превербами
пелки / пелка / пелэк / пäläkkä / pälyg**

В. Н. Соловар

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
solovary@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматривается изменение семантики и валентности хантыйских глаголов при сочетании с превербом *пелки / пелка / пелэк / пäläkkä / pälyg* на материале обско-угорских языков.

Цель: выявить круг глаголов, сочетающихся с превербом *пелки / пелка / пелэк / пäläkkä / pälyg*, описать переход глаголов из одной лексико-семантической группы (ЛСГ) в другую при сочетании с этим превербом, сопоставить систему валентностей и синтаксическую сочетаемость глаголов с данным превербом в хантыйском и мансийском языках.

Материал исследования: глагольные предложения с превербами *пелки / пелка / пелэк / пäläkkä / pälyg* казымского, шурышкарского, приуральского (усть-собский), сургутского диалектов хантыйского языка и среднесосьвинского, верхнесосьвинского диалектов мансийского языка, собранные автором у информантов и извлечённые из словарей мансийского языка.

Результаты и научная новизна. Впервые выявлен максимально полный список глаголов разных ЛСГ, сочетающихся с превербами *пелки / пелка / пелэк / пäläkkä / pälyg*. Установлено, что данный преверб присоединяется прежде всего к глаголам деструкции, отделения и перемещения. В результате количество валентностей производных глаголов может либо сохраниться, либо уменьшиться. Глаголы движения теряют локативную валентность; глаголы отделения и деструкции валентность не меняют. Изменение в составе семантической группы глаголов происходит за счёт синтаксической сочетаемости глагола с разными типами субъектов и объектов (одушевленных, неодушевленных). Результаты исследования могут быть использованы при сопоставлении родственных и разноструктурных языков, а также для написания научной грамматики хантыйского языка.

Ключевые слова: обско-угорские языки, преверб, валентность, лексико-семантическая группа, глаголы открывания, глаголы отделения, глаголы деструкции, глаголы движения.

Благодарность: автор выражает благодарность анонимным рецензентам, а также всем своим информантам, владеющим хантыйским и мансийским языками.

Для цитирования: Соловар В. Н. Структурно-семантические особенности обско-угорских глаголов с превербами *пелки / пелка / пелки / пелэк / пäläkkä / pälyg* // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 1. С. 112–120.

**Structural and semantic features
of Ob-Ugric verbs with the preverbs
pelki / pelka / peläk / päläkkä / pälyg**

V. N. Solovar

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
solovary@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article considers the change in semantics and valence of Khanty verbs with the preverbs *pelki / pelka / peläk / päläkkä / pälyg* on the material of the Ob-Ugric languages.

Objective: to reveal a circle of verbs combined with the preverbs *pelki / pelka / peläk / päläkkä / pälyg*; to describe the transition of verbs from one lexical and semantic group (LSG) to another when combined with this preverb; to compare the system of valences and syntactic compatibility of verbs with this preverb in the Khanty and Mansi languages.

Research materials: verb sentences with the preverbs *pelki / pelka / peläk / päläkkä / pälyg* of the Kazym, Shuryshkar, Ural (Ust-Soba), and Surgut dialects of the Khanty language and the Middle Sosva and Upper-Sosva dialects of the Mansi language, collected by the author from informants and extracted from dictionaries of the Mansi language.

Results and novelty of the research: for the first time, the most complete list of verbs of different LSG, combined

with the preverbs *pelki / pelka / pelək / päləkkə / pālyg*, is identified. It is established that this preverb is attached primarily to the verbs of destruction, separation, and displacement. As a result, the number of valences of derived verbs can either remain or decrease. Verbs of movement lose their locative valence; verbs of separation and destruction do not change their valence. The change in the composition of the semantic group of verbs occurs due to the syntactic compatibility of a verb with different types of subjects and objects (animate, inanimate). The results of the study can be used to compare related and unrelated languages, as well as to write a scientific grammar of the Khanty language.

Key words: Ob-Ugric languages, preverb, valence, lexical-semantic group, verbs of opening, verbs of separation, verbs of destruction, verbs of movement.

Acknowledgements: the author expresses the gratitude to the anonymous reviewers, as well as to all author's informants who are fluent in the Khanty and Mansi languages.

For citation: Solovar V. N. Structural and semantic features of Ob-Ugric verbs with the preverbs *pelki / pelka / pelək / päləkkə / pālyg* // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (1): 112–120.

Введение

Семантика и синтаксическая сочетаемость глаголов хантыйского и мансийского языков до сих пор изучены фрагментарно. От семантики глагола зависит система его валентностей, т. е. количество актантов, образующих модель элементарного простого предложения. Тип модели зависит от свойств глагольной основы, от наличия / отсутствия превербов и определённых суффиксов. Из угорских языков описаны превербальные единицы венгерского языка, которые относят к служебным словам, передающим в основном пространственные значения [21; 22; 23; 24]; есть статьи об анализируемых единицах в обско-угорских языках [1; 15; 28].

Превербы обско-угорских языков требуют дальнейшего изучения. В «Диалектологическом и этимологическом словаре хантыйского языка» В. Штейница приведено несколько глаголов с приставками [26]. В. Штейниц выявил 13 глагольных приставок [27], И. А. Николаева назвала шесть превербов приуральского диалекта [25]. Глаголы с изучаемыми единицами приведены в работах по хантыйскому языку [10; 18; 20]. Глагольные превербы казымского диалекта *нух, лāп, ил, ким, кйтна* исследованы в статьях В. Н. Соловар [14; 15; 16; 17]. Аспектуальный и дискурсивный анализ превербальных единиц *нух* и *йухи* в западных диалектах сделан А. Н. Закировой, Н. А. Муравьевым [3]. Несколько глаголов с изучаемой единицей *пелки* рассмотрено Е. В. Кашкиным [4]. В статье Н. Б. Кошкаревой отмечаются некоторые особенности функционирования превербов в бытийно-пространственных предложениях в зависимости от актуального членения высказывания [5].

Преверб *пелк=и / пелк=а / пелк=и / пелək / пāлək=кə / пāл=ыг* ‘открытый’, как мы предполагаем, происходит в хантыйском языке от имени *пелək / пелək / пāлək*, а в мансийском – *пāл-* ‘половина, часть, сторона’ посредством присоединения

к нему древнего суффикса *-i*. Наличие в венгерском и других финно-угорских языках данного суффикса отмечает К. Е. Майтинская [8]. В современных хантыйских диалектах общее значение направления передаётся суффиксами *-и, -а, -кə*, в мансийском языке в этом случае используется суффикс направительного падежа *-ыг*, ср.:

каз.	Ов=ем дверь. NOM=POSS/1Sg	пелк=и открытый=ADJ
сург.	Өвп=эм дверь.NOM=POSS/1Sg	пāлək=кə открытый=ADJ
манс.	Āв=им дверь.NOM=POSS/1Sg	пāл=ыг открытый=ADJ быть.Pr/3Sg 'Моя дверь открыта.'

В разных диалектах хантыйского языка представлены фонетически близкие продуктивные глагольные превербы: каз. *пелки / пелка*, шур. *пелки*, приур. *пелək*, сург. *пāлəkкə*. В казымском диалекте преверб *пелки* имеет вариант *пелка* с суффиксом дательно-направительного падежа. В мансийском языке этот преверб выступает в варианте *пāл=ыг*. В орфографической традиции мансийского языка после преверба ставится дефис, а в текстах на хантыйском языке глаголы с превербами пишутся отдельно.

Превербальная единица присоединяется к глаголам разных ЛСГ: деструкции, отделения, перемещения и др. При переводе деструктивных глаголов на русский язык часто используется приставка *раз- / рас-*, несмотря на то, что в хантыйских и мансийских глаголах аналогичной семантики не имеется, например: *сылты* ‘рассечь’ – *пелка сылты* ‘рассечь’ (букв.: к открытому сечь).

Сочетаясь с превербом, разные глаголы формируют разные системы валентностей. В статье описывается семантика, система валентностей и

синтаксическая сочетаемость глаголов с превербом *пелки* / *пелка* / *пелки* / *пелэк* / *пэлэккэ* / *пэлыг*, исследуются особенности перехода глагола из одного семантического класса в другой при присоединении преверба, проводится сопоставление указанных процессов в обско-угорских языках.

Глаголы рассматриваются как семантические предикаты, репрезентирующие типовые ситуации. Модель управления отражает ролевую структуру глагола – его способность иметь некоторое количество актантов в нужной грамматической форме, она создаётся на основе множества употреблений каждого глагола как предельно исчерпывающий перечень его лексикографически значимых ролей.

При изучении системных связей между единицами в составе элементарного простого предложения (ЭПП) мы опираемся на теоретические труды М. И. Черемисиной [18] и Н. Б. Кошкаревой [6; 7], посвящённые моделированию простого предложения как единицы языка, в них сформулированы критерии выделения основной единицы синтаксиса, описаны дифференциальные признаки, системные связи в области синтаксиса.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили примеры с превербами *пелки* / *пелки* / *пелэк* / *пэлэккэ* / *пэлыг* казымского, шурышкарского, приуральского (усть-собский говор), сургутского диалекта хантыйского языка, а также средне-сосьвинского и сосьвинского диалектов мансийского языка. В данной статье мы проанализировали 35 глаголов казымского диалекта с превербом *пелки*, извлечённые из хантыйских текстов, словарей и полученные от информантов; 10 глаголов с превербом *пелки* шурышкарского диалекта, из них 2 примера взято из словаря [2]; 16 глаголов с

превербом *пелэк* усть-собского говора приуральского диалекта; 6 глаголов сургутского диалекта с превербом *пэлэккэ*; 11 глаголов среднесосьвинского диалекта мансийского языка. В русско-мансийском и мансийско-русском словарях [11; 12] приведено 27 глаголов верхнесосьвинского диалекта с превербом *пэлыг*. В «Хантыйско-русском словаре» [13, 362–363] приведено 36 глаголов с превербом *пелки* / *пелка* и имеются сведения о сочетаемости данных глаголов.

При анализе материала использованы методы: наблюдение, сравнительно-сопоставительный, описательный, моделирование, компонентный анализ, опросы информантов, анкетирование.

Результаты

Глагольным превербом мы считаем служебную часть речи, маркирующую позицию предмета в пространстве, участвующую в словообразовании и изменении аспектуальных свойств глагола, модифицирующую семантику глагола в зависимости от синтаксической сочетаемости.

Наличие у глаголов преверба *пелки* / *пелка* указывает на то, что объекты могут подвергаться деструкции, отделяться, раскрываться. Глаголы с этим превербом в хантыйском языке являются предикатами двух акциональных моделей (разрушения и открывания) и двух статальных моделей (саморазрушения и изменения состояния), такие же процессы мы наблюдаем и в мансийском языке.

В казымском диалекте хантыйского языка глагольный преверб *пелки* сочетается с глаголами деструкции (18), перемещения (5), открывания (5), отделения (4) и др. Все глаголы этого диалекта с превербом *пелки* могут употребляться и без преверба.

Рассмотрим особенности присоединения преверба *пелки* / *пелка* к глаголам разных лексико-семантических групп (табл. 1).

Таблица 1

Присоединение преверба ‘пелки’ к глаголам разных ЛСГ

Язык / диалект	Хантыйский								Мансийский			
	казымский		шурышкарский		приуральский (усть-собский)		сургутский		ср.сосьв.		верх. сосьв.	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
	Акциональная (модель воздействия)											
деструкции	18	51%	5	50%	11	68,7 %	3	50%	7	63%	14	51,8%
открывания	5	14,2%	1	10%	-		1	16,6%	3	27%	9	33%
отделения	4	11%	-		1	6,2 %	-				2	7%
звучания	1	2,7%	-		-		-					
	Модель движения / перемещения											
перемещения	5	14,2%	2	20%	3	18,7 %	1	16,6%	1		2	7%
движения	2	5,7%	2	20%	1	6,2 %	1	16,6%				
	35		10		16		6		11		27	

Преверб *пелки / пелка / пелки / пелэк / пәләккә / пәлыг* изменяет семантику глаголов: каз. *менәмты* ‘дернуть’ – *пелка менәмты* ‘разорвать’; шур. *похты* ‘трескаться, лопаться’ – *пелки похты* ‘растрескаться, расколоться’; приур. *тохнәмтты* ‘порваться’ – *пелэк тохнәмтты* ‘разорваться, лопнуть’; сург. *сылта* ‘распороть, рассечь’ – *пәләккә сылта* ‘распороть, рассечь’; манс. *манумтаулке* ‘рвать’ – *пәлыг-манумтаулке* ‘прорвать, разорвать, взорвать’. При изменении лексического значения глагола может меняться его валентность.

Значение преверба *пелки / пелка / пелки / пелэк / пәләккә / пәлыг* – ‘деструкция, открывание, раскрытие внутренней части предмета при нарушении его целостности, раскрывание чего-либо, открывание замкнутого пространства и др.’, например: каз. *лоухиты* ‘расколоться’ – *пелка лоухиты* ‘расколоться’, *питты* ‘падать’ – *пелка питты* ‘раскрыться, вскрыться’; приур. *тохты* ‘рваться’ – *пелэк тохты* ‘разорваться’; шур. *пуншемиты* ‘открыть’ – *пелки пуншемиты* ‘раскрыть, распахнуть’; *похты* ‘лопаться, трескаться’ – *пелки похты* ‘растрескаться’; сург. *сәврәмта* ‘рубить’ – *пәләккә сәврәмта* ‘разрубить’, *ваңчуца* ‘надрезать’ – *пәләккә виңчуца* ‘разрезать’; манс. *пурунке* ‘грызть, кусать’ – *пәлыг-пурунке* ‘разгрызть, раскусить’ *халылаулке* ‘расколоться’ – *пәлыг-халылаулке* ‘расколоться’, *манумтаулке* ‘рвать’ – *пәлыг-манумтаулке* ‘прорвать, разорвать’ и др.

В приуральском диалекте (усть-собский говор), по имеющимся материалам, преверб *пелэк* формирует, в основном, глаголы, принадлежащие к ЛСГ деструкции: 13 глаголов деструкции, 3 глагола открывания, например: *похты* ‘лопаться, потрескаться’ – *пелэк похты* ‘потрескаться, лопнуть’, *халылэты* ‘раскалываться’ – *пелэк халылэты* ‘расколоться’, *тохнәмтты* ‘лопнуть’ – *пелэк тохнәмтты* ‘лопнуть’, *менәмтты* ‘дёрнуть’ – *пелэк менәмтты* ‘разорвать’, *питты* ‘падать’ – *пелэк питты* ‘раскрыться’ и др. Например: приур. *Йос пәйтлам пелэк похсәт* ‘Ладони мои потрескались’; *Хотхәр сохәлјал пелэк халылэсәт* ‘Доски пола раскололись’; *Јүк пука хыр пелэк пуксәттәс* ‘Глухаринный зуб лопнул’; *Јүв јоңас увәл пелэк пунсәлјы*

‘Он раскрыл дверь лабаза’; *Рәх сэм пелэк тохнәмтәс* ‘Ягодка лопнула’; сург. *Манә буј пәләккә виңчуци* ‘Я разрежала рыбу’, *Пәрт пәләккә сәврәми* ‘Доску разрубили на две части’.

В шурышкарском диалекте преверб *пелки* присоединяется к 10 глаголам: к 5 глаголам деструкции, к 2 глаголам движения, к 2 глаголам перемещения, к 1 глаголу открывания, например: *похты* ‘трескаться, растрескаться’ – *пелки похты* ‘потрескаться’; *тохнәмтты* ‘порваться’ – *пелки тохнәмтты* ‘лопнуть, порваться’; *мәниэты* ‘рвать’ – *пелэк мәниэты* ‘разорвать’; *тохты* ‘рваться’ – *пелки тохты* ‘разорваться, развалиться’; *пуксапты* ‘лопнуть’ – *пелки пуксапты* ‘лопнуть’, например: *Хот хәр сохләт пелки похсәт* ‘Доски пола раскололись’; *Щи икен щи кулата ис, пелки хәщ пуксапәл* ‘Мужчина до такой степени разжирел, чуть не лопаётся’; *Щи ликәлән пелки хәщ пуксапәл* ‘От злости он чуть не лопаётся’. В казымском диалекте преверб *пелки* присоединяется к 36 глаголам: к 18 глаголам деструкции, к 4 глаголам отделения и др., например: каз. *Вәләм јүвәл пелка хәвиңсәлјә* ‘Он расколол кость’; *Нух пүвләм тәхәл пелка эвәтмәсјә* ‘Он разрезал опухшее место’.

В мансийском языке преверб *пәлыг* присоединяется в обоих говорах, в основном, к глаголам деструкции и открывания, например: ср. сосьв. *пурунке* ‘грызть, кусать’ – *пәлыг-пурунке* ‘разгрызть’, *тәрамлаулке* ‘распуститься’ – *пәлыг-тәрамлаулке* ‘развернуться’; *маныгтаулке* ‘рвать’ – *пәлыг-маныгтаулке* ‘разорвать’; *халылаулке* ‘колоться’ – *пәлыг-халылаулке* ‘расколоться’; верх. сосьв. *манумтаулке* ‘рвать, сорвать’ – *пәлыг-манумтаулке* ‘взорвать, разорвать’; *яктыгләлулке* ‘резать’ – *пәлыг-яктыгләлулке* ‘разрезать’; *халатаулке* ‘пороть’ – *пәлыг-халатаулке* ‘распороть’.

Например: *Куняс пәлыг-тәрамлахтас* ‘Свёрток развернулся’; *Пыгум әви пәлыг-пунсыстә* ‘Сын раскрыл дверь’; *Агим нәпак пулиг-маныгтастә* ‘Дочь разорвала бумагу’; *Пыгрись хусап пәлыг-маныгтастә* ‘Мальчик разорвал коробку’.

Представим результаты формирования ЛСГ глаголов с помощью преверба *пелки / пелка / пелки / пелэк / пәләккә / пәлыг* в таблице 2.

Таблица 2

ЛСГ глаголов с превербом *пелки / пелки / пелак / пәләккә / пәлыг*

ЛСГ \ Язык / диалект	Хантыйский								Мансийский			
	казымский		шурышкарский		приуральский (усть-собский)		сургутский		ср. сосьв.		верх.сосьв.	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Акциональная	36	100 %	10	100 %	16	100 %	6	100 %	10	90,9%	25	92,5%
Пространственная									1	9%	2	7,4%
	36		10		16		6		11		27	

Преверб *пелки / пелка / пелки / пелак / пәләккә / пәлыг* модифицирует значение глаголов, например: каз. *кэриты* ‘упасть’ – *пелка кэриты* ‘раствориться, раскрыться’; *тапты* ‘тянуть’ – *пелки тапты* ‘распахнуть, раскрыть’; шур. *пайэтты* ‘уронить, отстегнуть’ – *пелки пайэтты* ‘расстегнуть’; приур. *эуханицы* ‘отвязаться’ – *пеләк эуханицы* ‘развязаться’; сург. *пунчуа* ‘открыть’ – *пәләккә пунчуа* ‘раскрыть’; манс. *лаквтуункве* ‘двигать, отодвигать’ – *пәлыг-лаквтуункве* ‘раздвинуть’; *манумтаункве* ‘рвать’ – *пәлыг-манумтаункве* ‘разорвать’; *покматуункве* ‘лопнуть’ – *пәлыг-покматуункве* ‘взорваться’; *пуруункве* ‘грызть’ – *пәлыг-пуруункве* ‘разгрызть’. Например: *Лүв овал иса пелка тәйләлэ* ‘Он держит дверь всегда открытой’. В данной двухактантной модели в позиции предиката находится глагол действия *пелка тәйтты*; в результате присоединения преверба происходит изменение семантики: глагол помещения переходит в ЛСГ глаголов открывания.

Глаголы действия формируют акциональную модель, например: каз. *сылты* ‘рассечь’ – *пелка сылты* ‘рассечь’; *лоухитты* ‘колоть’ – *пелка лоухитты* ‘расколоть’; *сыләмәты* ‘рассечь’ – *пелка сыләмәты* ‘рассечь’; приур. *понты* ‘класть’ – *пелак понты* ‘раскрыть’; *похты* ‘лопаться, трескаться’ – *пелак похты* ‘растрескаться’; шур. *тохты* ‘рваться’ – *пелки тохты* ‘разорваться’; *менэмәты* ‘дёрнуть’ – *пелки менэмәты* ‘разорвать’; сург. *пәнта* ‘класть’ – *пәләккә пәнта* ‘раскрыть’; *сәврәмта* ‘рубить’ – *пәләккә сәврәмта* ‘разрубить’; *сылта* распороть, рассечь – *пәләккә сылта* распороть, рассечь; манс. *пәнсункве* ‘раскрыть, растворить’ – *пәлыг-пәнсункве* ‘раскрыть, растворить’; *тәллантаункве* ‘рвать’ – *пәлыг-тәллантаункве* ‘разрывать’; *халатаункве* ‘распороть’ – *пәлыг-халатаункве* ‘распороть’.

Акциональные модели, формируемые превербом *пелки / пелка* ‘открытый’, в хантыйском языке, в отличие от русского, новой позиции в составе данной модели не имеют, ср. рус. *разломить хлеб на части* – это особая позиция в структуре предложения. В хантыйском языке наблюдается модификация позиции предиката, значение «на части» грамматикализовано.

Преверб *пелки / пелки / пелак / пәләккә / пәлыг* формирует два основных значения: а) деструктивное действие, например: приур. (усть-соб.) *порты* ‘грызть’ – *пеләк порты* ‘разгрызть’; шур. *менэмәты* ‘дёрнуть’ – *пелки менэмәты* ‘разорвать’; сург. *пәләккә өрийта* ‘расколотья’, *пәләккә сәвәрта* ‘расколоть’; манс. *яктуункве* ‘ре-

зать’ – *пәлыг-яктуункве* ‘разрезать’, *пуруункве* ‘грызть’ – *пәлыг-пуруункве* ‘разгрызть’, *тәлматуункве* ‘рваться’ – *пәлыг-тәлматуункве* ‘разорваться’; б) открывание внутренней части предмета: каз. *рәкәнты* ‘упасть’ – *пелка рәкәнты* ‘раскрыться, распахнуться’, *пунты* ‘класть’ – *пелка пунты* ‘раскрыть’; приур. (усть-соб.) *понты* ‘класть’ – *пеләк понты* ‘раскрыть, открыть’; *питты* ‘падать’ – *пеләк питты* ‘раскрыться’, *эуханицы* ‘развязаться’ – *пеләк эуханицы* ‘развязаться’; сург. *питта* ‘упасть’ – *пәләккә питта* ‘вскрыться’, *пәләккә пәнта* ‘раскрыть, распахнуть’; манс. *сосьв. пәлыг-пәнсантаункве* ‘раскрывать’, ср. *сосьв. пәлыг-лаквтуункве* ‘раздвинуть’, *пәнсхатуункве* ‘раскрываться’ – *пәлыг-пәнсхатуункве* ‘раскрываться’, например: каз. *Ларацән пелки рәкнәс* ‘Ящик раскрылся’; шур. *Тәм цәйшкан пеләк маниши* ‘Этот кусочек ткани разорви’; *Молицанәт пелки тохсәт* ‘Малицы развалились’; сург. *Вәлэ цәрә пәртәт пәләккә өрийәт* ‘Доски пола раскололись’; манс. *Куня пәлыг-тәрамлахтас* ‘Свёрток развернулся’; *Тав супе пәлыг-пунсыстә* ‘Она раскрыла рот’.

Итак, во всех четырёх изучаемых диалектах хантыйского языка стержневым развиваемым значением глаголов является воздействие на объект, что отражает, в соответствии с этой семантикой, формирование акциональной модели. Пространственная семантика по диалектам хантыйского языка формируется данным превербом примерно в одинаковом процентном соотношении, более всего она выражена в шурышкарском диалекте хантыйского языка. В мансийском языке предпочтение отдаётся акциональной семантике глагола, пространственная семантика является крайне редкой и представлена двумя глаголами: *лаквтыгәләуункве* ‘двигать’ – *пәлыг-лаквтыгәләуункве* ‘раздвигать’, *лаквтуункве* ‘подвинуть’ – *пәлыг-лаквтуункве* ‘раздвинуть’.

Представим более детально функции глагольного преверба *пелки / пелка* в казымском диалекте. Глаголы казымского диалекта, присоединяющие преверб *пелки / пелка*, функционируют и без преверба.

Система валентностей глагола допускает изменение в зависимости от лексико-семантической группы глагола, к которой преверб *пелки / пелка* присоединяется. Глагол *павәтты* ‘уронить’ имеет четыре валентности, преверб *пелки* уменьшает валентности этого глагола до двух, что влияет на семантику и структуру хантыйского предложения: *пелка павәтты* ‘раскрыть’: *Имүлтыйән лүв лупас ов пелка ци павәтсәлэ* ‘Наконец он раскрыл

лабаз'. Меняется лексическое значение глагола, глагол теряет семантику произвольного движения, которая преобразуется в акциональную семантику (значение действия), сохраняется синтаксическая позиция объекта.

В разных диалектах имеется разное количество глаголов с превербом *пелки*, не всегда совпадает семантика и его словообразовательные возможности. Однако количество глаголов с акциональной семантикой значительно превышает количество пространственных глаголов.

При присоединении казымского преверба *пелки* к глаголам разных ЛСГ наблюдаются следующие процессы.

1. Если преверб присоединяется к одновалентным глаголам, имеющим только субъектную валентность, количество валентностей не изменяется. Преверб вносит в семантику конструкции значение разделения на две части с потерей целостности, внутренняя часть открывается, из-за чего происходит нарушение единства предмета в результате удара, повреждения или самопроизвольного разрушения, предмет теряет прежние свойства. Например: *похэнты* 'лопнуть': *Лук пуйкайэл похнэс* 'Лопнул желудок глухаря' – *Ин пугалэл пелка похнэс* 'Этот круглый предмет лопнул'; *тохты* 'трескаться, рваться, лопаться': *Йернасаг тохэс* 'Платье порвалось' – *Кацаг пелки тохэс* 'Штаны разорвались'; *лоухиты* 'расколиться': *Йух шөпэм лоухийэс* 'Полено расколосось' – *Сохлэм пелки лоухиэс* 'Доска расколослась'. Ср. шур. *Шци ликалэн пелки хащ пуксапал* 'Он от злости чуть не разрывается'; приур. *Лук пука хыр пелэк пуксэмтэс* 'Глухаринный зоб лопнул'; *Хырэм пелэк тохнэмтэс* 'Мешок разорвался'; сург. *Кэврэм йэуки чай анэх пэлэккэ өрийэх* 'Чашка с горячим чаем расколослась'; манс. *Парт пэлыг-сагрыгхатас* 'Доска расколослась', *Ахвстас пэлыг-халыглас* 'Камень расколосся'.

2. Если преверб присоединяется к двухвалентным акциональным глаголам, таким как *сэвэрматы* 'срубить, рубануть', *сылты* 'рассечь', *шумэрматы* 'сжать, сдавить', *эвэтматы* 'резать, отрезать', *хэьцэты* 'ударить', предполагающим субъектную и объектную валентности, количество валентностей сохраняется, но модифицируется их семантика: преверб репрезентирует семантическую валентность «на две части», которая в структуре предложения отдельной позицией не выражена, но заключена в семантике преверба. В этом состоит отличие хантыйских предложений с глаголами типа *разрубить*, *рассечь* и под.

от русских, ср.: *Он разрубит полено пополам / на две части* – *Йух шөпэл лув пелка сэвэрмэллэ* 'Он разрубит полено'.

Для всех глаголов данной группы характерен однотипный перенос значения: воздействие на объект (без указания на результат этого воздействия) → разделение объекта на две части. Преверб вносит семантику результативности, актуализируя значение разделения объекта на части в результате воздействия. Глагол без преверба указывает только на то, что к объекту приложена некоторая сила, но трансформация объекта, его расчленение на части не акцентируется. Преверб указывает на доведение действия до логического завершения: объект перестаёт существовать в своём прежнем качестве, поэтому в сочетании с превербом глагол чаще всего принимает форму объектного спряжения. Например: *Лув курэл ваньщэс* 'Он порезал ногу' (нога повреждена, но сохраняет целостность) – *Ма сухем пелки ваньщэсэм* 'Я шкуру рассекла' (шкура утратила целостность); *Ма щи нувэн сэвэрмэлэм* 'Я эту ветку срублю' (ветка отделяется как единое целое) – *Йух шөпэл лув пелка сэвэрмэллэ* 'Он разрубит полено' (полено перестаёт существовать в своём прежнем качестве, разделяется на части).

3. Если преверб присоединяется к глаголам движения, имеющим три валентности (субъект, начальная и конечная точка движения), то происходит изменение количества валентностей: субъектная валентность сохраняется, заполняется неодушевлёнными именами существительными, а локативные валентности утрачиваются. Глагол становится одновалентным и обозначает переход из одного состояния в другое. В казымском диалекте зафиксированы три синонимичных глагола с семантикой «падать», для которых характерен единообразный перенос значения: падение → открывание, раскрытие: *Хот лауэл эвэлт кирмэц ил рэкнэс* 'С крыши вниз упал кирпич' – *Ишнем пелки рэкнэс* 'Окно распахнулось'; *Ов төп пелка рэкнылэс* 'Дверь только распахивалась'; *Кирмэц хот лауэл эвэлт ил питэс* 'Кирпич с крыши вниз упал' – *Йуханэв сыры пелка питэс* 'Река раньше вскрылась'; сург. *Йэвэн сорха пэлэккэ пугэл* 'Река раньше вскрыется'. Субъект из закрытого положения переходит в открытое, т. е. устраняется замкнутость (изоляция) пространства, самопроизвольно открывается доступ внутрь чего-либо, открывается закрытое окно, дверь, ящик. Глаголы движения в сочетании с превербом переходят в ЛСГ открывания.

4. Если преверб присоединяется к четырёхвалентным глаголам перемещения (субъектная, объектная и две локативные валентности), количество валентностей сокращается до двух и меняется тип пропозиции: высказывание с превербом репрезентирует акциональную пропозицию. Субъект раскрывает для зрительного восприятия часть предмета. При этом происходит трансформация объектной позиции: объект выражается именем в форме единственного числа и указывает на целостный объект, например, *менемэты* 'дернуть': *Ма йошэж са лүвэж туджа тывэжт менемэсэм* 'Я сюда дернул его за руку' – *Йернасэж лүв пелки менемэсэжэ* 'Он разорвал платье'; *вуцкийдэты* 'бросать': *Пухэн йунтутэжэжэ ларацэжэжэ хот хэрыяа вуцкиэсэжэ* 'Сын твой игрушки из ящика на пол выбрасывал' – *Семлы ики төп ов пелка вуцкиэжэжэ* 'Слепой старик только дверь распахивал'.

Значение типа «разорвать наволочку», «раскрыть окно» не предполагает перемещения объекта в пространстве, наволочка и окно не меняют местоположения, но трансформируются в результате воздействия на них.

Обсуждение и заключение

Итак, с помощью преверба *пелки / пелки / пелэж / пэлэжэ / пэлэжэ* в обско-угорских языках формируются две акциональные модели элементарного простого предложения – модель разрушения объекта и открывания, и две статальные модели – модель саморазрушения и изменения состояния. Основной семантикой глагола с превербом является деструктивное воздействие на объект.

Варьирование предиката направлено на один из компонентов: для акциональных моделей – на объект, для моделей изменения состояния – на субъект. У глаголов в сочетании с превербом система валентностей уменьшается, локативные валентности берёт на себя преверб, происходит модификация их семантики. Валентность статальных глаголов и двухвалентных акциональных глаголов не изменяется.

В рассматриваемых диалектах хантыйского языка значительных расхождений при формировании семантики глаголов с исследуемыми превербами не наблюдается, имеются лишь отдельные лексические различия. В отличие от хантыйского языка, в мансийском преверб формирует незначительную часть глаголов с пространственной семантикой.

Список источников и литературы

1. Варда В. Е. Превербы в восточных диалектах хантыйского языка // Вестник ТГПУ. 2016. № 2. С. 43–49.
2. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / С. И. Вальгамова, Н. Б. Кошкарева, С. В. Онина, А. А. Шиянова. Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.
3. Закирова А. Н., Муравьев Н.А. Превербы *пəх* и *јəх* в западных диалектах хантыйского языка: аспектуальный и дискурсивный анализ // Урало-алтайские исследования. 2019. № 4 (35). С. 53–70.
4. Кашкин Е. В. Глаголы с семантикой закрывания и открывания в западных говорах хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. 4 (18). С. 16–28.
5. Кошкарева Н. Б. Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 9. С. 53–65.
6. Кошкарева Н. Б. Коммуникативная парадигма хантыйского предложения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: СО РАН, 2002. Вып. 12. С. 29–44.
7. Кошкарева Н. Б. Пропозиция и модель // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 4. С. 70–80.
8. Майтинская К. Е. Венгерский язык. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. II. 225 с.
9. Молданова И. М. Акциональные суффиксы межкатегориального словообразования в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 216–227.
10. Нахрачева Г. Л. Глаголы болевых ощущений в обско-угорских языках: семантика и механизмы семантической деривации // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 681–691.
11. Ромбандеева Е. И., Кузакова Е. А. Мансийско-русский и русско-мансийский словарь. Ленинград: Просвещение, 1982. 360 с.
12. Ромбандеева Е. И. Русско-мансийский словарь. СПб.: Просвещение, 2005. 185 с.
13. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 689 с.
14. Соловар В. Н., Бурыкин А. А. Семантика преверба *пəх* и его роль в изменении валентности глагола (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // Вестник угроведения. 2017. Т. 7. № 4. С. 17–27.
15. Соловар В. Н. Семантические особенности обско-угорских глаголов с превербом –*лэп / лап* // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 71–82.
16. Соловар В.Н. Картина мира хантыйского языка: семантические особенности хантыйских глаголов с превербами *-ил* и *ким/кэм* (на фоне мансийского языка) // Хантыйский мир через призму разноструктурных языков. Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2019. С. 149–187.

17. Соловар В.Н. Структурно-семантическая характеристика обско-угорских глаголов с превербами кӓтна / катӓш / катнащ / китӓи / киттыг 'надвое' // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 2. С. 313–322.
18. Федоркив Л. А. Функционально-семантическая характеристика неопределённого местоимения мулӓты в хантыйском языке // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 499–509.
19. Черемисина М. И. О системности в сфере моделей предложения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: НГУ, 1995. Вып. 1. С. 3–21.
20. Шиянова А. А. Обозначение цвета в диалектах хантыйского языка: структура и семантика лексических единиц // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 747–755.
21. Honti L. Das Alter und die Entstehungsweise der «Verbalpräfixe» in uralischen Sprachen (Unter besonderen Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 1 // *Linguistica Uralica*. 1999. Vol. 35. № 2. Pp. 81–97.
22. Honti L. Das Alter und die Entstehungsweise der «Verbalpräfixe» in uralischen Sprachen (Unter besonderen Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 2 // *Linguistica Uralica*. 1999. Vol. 35. № 3. Pp. 161–176.
23. Kiefer F. Verbal prefixation in the Ugric languages from a typological-areal perspective // Eliasson S., Jahr E.H. (eds.). *Language and its Ecology: Essays in Memory of Einar Haugen*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. Pp. 323–341.
24. Kiefer F, Honti L. Verbal prefixation in the Uralic languages // *Acta Linguistica Hungarica*. 2003. Vol. 50, 1–2. Pp. 137–153.
25. Nikolaeva I. A. *Ostyak*. München; Newcastle: Lincom Europa, 1999. 110 p.
26. Steinitz W. *Diealektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin: [w/p], 1966–1991. 2019 p.
27. Steinitz W. *Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie*. Berlin: Akademie-Verlag, 1980. Band IV. Pp. 497.
28. Virtanen S. Grammaticalized preverbs of aspect and their contribution to expressing transitivity in Eastern Mansi // *Nyelvtudományi Közlemények*. 2014. Vol. 109. Pp. 109–122.

References

1. Varda V. E. *Preverby v vostochnykh dialektakh khantyyskogo yazyka* [Preverbs in the eastern dialects of the Khanty language]. *Vestnik TGPU* [Bulletin the Tomsk State Pedagogical University], 2016, no. 2, pp. 43–49. (In Russian)
2. Valgamova S. I., Koshkareva N. B., Onina S. V., Shiyanova A. A. *Dialektologicheskij slovar' hantyjskogo yazyka (shuryshkarskij i priural'skij dialekty)* [Dialectological dictionary of the Khanty language (Shuryshkar and Ural dialects)]. Yekaterinburg: Basko Publ., 2011. 208 p. (In Russian, Khanty)
3. Zakirova A. N., Muravjov N. A. *Preverby nõx i jõxi v zapadnykh dialektakh khantyyskogo yazyka: aspektual'nyy i diskursivnyy analiz* [Preverbs nõx and jõxi in western dialects of the Khanty language: aspectual and discursive analysis]. *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 2019, no. 4, pp. 53–70. (In Russian)
4. Kashkin E. V. *Glagoly s semantikoy zakryvaniya i otkryvaniya v zapadnykh govorakh khantyyskogo yazyka* [Verbs with the semantics of closing and opening in the western dialects of the Khanty language]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk journal of linguistic and anthropological research], 2017, no. 4 (18), pp. 16–28. (In Russian)
5. Koshkareva N. B. *Bytijno-prostranstvennye tipovye sintaksicheskie struktury i ih semantika v hantyjskom i neneckom jazykah* [Existential-spatial typical syntactic structures and their semantics in the Khanty and Nenets languages]. *Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2018, no. 17 (9), pp. 53–65. (In Russian)
6. Koshkareva N. B. *Kommunikativnaja paradigma hantyjskogo predlozhenija* [Communicative paradigm of a Khanty sentence]. *Jazyki korennyh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2002. Vol. 12. pp. 29–44. (In Russian)
7. Koshkareva N. B. *Propozicija i model'* [Proposition and a model]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2004, no. 4, pp. 70–80. (In Russian)
8. Maytinskaya K. E. *Vengerskij jazyk* [Hungarian language]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1959. Vol. II. 225 p. (In Russian)
9. Moldanova I. M. *Aksional'nye suffiksy mezhkategorial'nogo slovoobrazovaniya v khantyyskom yazyke (na materiale kazymskogo dialekta)* [Actional suffixes of inter-categorical word-formation in the Khanty language (on the material of the Kazym dialect)]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian philological journal], 2018, no. 4, pp. 216–227. (In Russian)
10. Nakhracheva G. L. *Glagoly bolevykh oshchushcheniy v obsko-ugorskikh jazykakh: semantika i mekhanizmy semanticheskoy derivatsii* [Verbs of pain in the Ob-Ugric languages: semantics and mechanisms of semantic derivation]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, vol. 9 (4), pp. 681–691. (In Russian)
11. Rombandeeva E. I., Kuzakova E. A. *Mansiysko-russkij i russko-mansiyskij slovar'* [Mansi-Russian and Russian-Mansi dictionary]. Leningrad: Prosveshchenie Publ., 1982. 360 p. (In Mansi, Russian)
12. Rombandeeva E. I. *Russko-mansiyskij slovar'* [Russian-Mansi dictionary]. Saint-Petersburg: Prosveshchenie Publ., 2005. 185 p. (In Russian, Mansi)

13. Solovar V. N. *Hantyjsko-russkij slovar' (kazymskij dialekt)* [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. Saint-Petersburg: Mirall Publ., 2006. 333 p. (In Khanty, Russian)
14. Solovar V. N., Burykin A. A. *Semantika preverba nuh i ego rol' v izmenenii valentnosti glagola (na materiale kazymского dialecta hantyjsкого языка)* [The semantics of the preverb nuh and its role in changing of the valence of the verbs (on the material of the Kazym dialect of the Khanty language)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2017, no. 7 (4), pp. 17–27. (In Russian)
15. Solovar V. N. *Osobennosti semantiki hantyjskih glagolov s preverbom ara* [Features of the semantics of Khanty verbs with the preverb ara]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (3), pp. 470–478. (In Russian)
16. Solovar V. N. *Semanticheskie osobennosti obsko-ugorskih glagolov s preverbom –läp/lap* [Semantic features of Ob-Ugric verbs with preverb läp / lap]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (1), pp. 71–82. (In Russian)
17. Solovar V. N. *Kartina mira hantyjsкого языка: semanticheskie osobennosti hantyjskih glagolov s preverbami -ij i kim / kem (na fone mansijsкого языка)* [The picture of the world of the Khanty language: semantic features of Khanty verbs with the preverbs -ij and kim / kem (against the background of the Mansi language)]. *Hantyjskij mir cherez prizmu raznostrukturnyh языков* [Khanty world through the prism of different structural languages]. Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir g. Khanty-Mansiysk Publ., 2019. pp. 149–187. (In Russian)
18. Fedorkiv L. A. *Funktsional'no-semanticheskaya kharakteristika neopredelennogo mestoimeniya mupty v khantyyskom языке* [Functional and semantic characteristics of the indefinite pronoun möłti in the Khanty language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (3), pp. 499–509. (In Russian)
19. Cheremisina M. I. *O sistemnosti v sfere modeley predlozheniya* [About systemic nature in the sphere of sentence patterns]. *Языки коренных народов Сибири* [Languages of indigenous people of Siberia]. Novosibirsk: NGU Publ., 1995. Vol. 1. pp. 3–21. (In Russian)
20. Shiyanova A. A. *Oboznachenie tsveta v dialektakh khantyysкого языка: struktura i semantika leksicheskikh edinit* [Color designation in dialects of the Khanty language: structure and semantics of lexical units]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (4), pp. 747–755. (In Russian)
21. Honti L. Das Alter und die Entstehungsweise der «Verbalpräfixe» in uralischen Sprachen (Unter besonderen Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 1. *Linguistica Uralica*, 1999, no. 35 (20), pp. 81–97. (In German)
22. Honti L. Das Alter und die Entstehungsweise der «Verbalpräfixe» in uralischen Sprachen (Unter besonderen Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 2. *Linguistica Uralica*, 1999, no. 35 (3), pp. 161–176. (In German)
23. Kiefer F. Verbal prefixation in the Ugric languages from a typological-areal perspective. Eliasson S., Jahr E.H. (eds.). *Language and its Ecology: Essays in Memory of Einar Haugen*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. pp. 323–341. (In English)
24. Kiefer F, Honti L. Verbal prefixation in the Uralic languages. *Acta Linguistica Hungarica*, 2003, no. 50 (1–2), pp. 137–153. (In English)
25. Nikolaeva I. A. *Ostyak*. München; Newcastle: Lincom Europa, 1999. 110 p. (In English)
26. Steinitz W. *Diealektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin: [w/p], 1966–1991. 2019 p. (In German)
27. Steinitz W. *Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie*. Berlin: Akademie-Verlag, 1980. Band IV. 497 p. (In German)
28. Virtanen S. Grammaticalized preverbs of aspect and their contribution to expressing transitivity in Eastern Mansi. *Nyelvtudományi Közlemények*, 2014, no. 109, pp. 109–122. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловар Валентина Николаевна, главный научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А), доктор филологических наук.

solovarv@rambler.ru

ORCID.ID 0000-0003-4894-0117

ABOUT THE AUTHOR

Solovar Valentina Nikolaevna, Chief Research, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A), Doctor of Philological Sciences.

solovarv@rambler.ru

ORCID.ID 0000-0003-4894-0117